
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА

Т. И. МАКАРОВА¹⁾, Э. С. НАВАСАРДОВА²⁾, В. Е. ЛИЗГАРО¹⁾,
О. В. МОРОЗ¹⁾, Н. А. ШИНГЕЛЬ¹⁾, М. П. КУРИЛОВИЧ^{1), 3)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017, г. Ставрополь, Россия

³⁾Институт экономики НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуются имеющие концептуальный характер правовые подходы к формированию пространства экологической безопасности на территории государств, являющихся членами Евразийского экономического союза. Определены политические и иные факторы, оказывающие влияние на данный процесс, а также общие и специальные (природоохранные) принципы, которые могут быть положены в основу концепции эколого-безопасного пространства. Обосновывается необходимость введения понятия «эколого-безопасное пространство» в категориальный аппарат науки экологического права. Доказано, что гарантией обеспечения экологической безопасности в едином пространстве ЕАЭС выступают сложившиеся правовые механизмы охраны окружающей среды (оценка воздействия на окружающую среду, стратегическая экологическая оценка, экологическая экспертиза, мониторинг, контроль), которые могут быть положены в основу сближения правовых подходов государств – членов ЕАЭС. Предлагается рассматривать государственно-частное партнерство как условие достижения целей устойчивого развития в рамках интеграционных образований. Определяется место правового регулирования устойчивого природопользования в системе мер, составляющих содержание правовой категории «эколого-безопасное пространство», и направления взаимодействия государств – членов ЕАЭС в этой области.

Образец цитирования:

Макарова ТИ, Навасардова ЭС, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ, Шингель НА, Курилович МП. Концепция формирования правовых основ евразийского эколого-безопасного пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:100–111.

For citation:

Makarova TI, Navasardova ES, Lizgaro VE, Moroz OV, Shingel NA, Kurylovich MP. The concept of forming the legal foundations of the Eurasian environmentally safe space. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1: 100–111. Russian.

Сведения об авторах см. на с. 111.

Information about the authors see p. 111.

Ключевые слова: эколого-безопасное пространство; право Евразийского экономического союза; экологическое право; международное право окружающей среды; природные ресурсы.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза».

THE CONCEPT OF FORMING THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE EURASIAN ENVIRONMENTALLY SAFE SPACE

T. I. MAKAROVA^a, E. S. NAVASARDOVA^b, V. E. LIZGAROV^a,
O. V. MOROZ^a, N. A. SHINGEL^a, M. P. KURYLOVICH^{a, c}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bNorth-Caucasus Federal University, 1 Pushkina Street, Stavropol 355017, Russia

^cInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: N. A. Shingel (singel.61@list.ru)

Legal approaches of a conceptual nature in relation to the formation of a space of environmental security on the territory of the states that are parties to the Eurasian Economic Union are being explored. Political and other factors influencing this process, as well as general and special (environmental) principles that can form the basis of the concept of an environmentally safe space, are determined. The rationale for introducing the definition of environmentally safe space into the categorical apparatus of the science of environmental law is proposed. It has been proved that the existing legal mechanisms of environmental protection (environmental impact assessment, strategic environmental assessment, environmental review, monitoring, control) serve as a guarantee for ensuring environmental safety in the space of the EAEU, which can be the basis for convergence of legal approaches of the EAEU member states. It is proposed to consider public-private partnership as a condition for achieving the goals of sustainable development within the framework of integration formations. The place of legal regulation of sustainable nature management in the system of measures that make up the content of the legal category «environmentally safe space» and the directions of interaction between the EAEU member states in this area are determined.

Keywords: environmentally safe space; law of the Eurasian Economic Union; environmental law; international environmental law; natural resources.

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of the grant «Legal problems of the formation of a single environmentally safe space of the member states of the Eurasian Economic Union».

Введение

Основу существования любой из известных социально-экономических формаций, материальный базис общества составляют природные ресурсы, нерациональное использование которых породило и в настоящее время создает многочисленные экологические проблемы. Повышение антропогенной нагрузки на природную среду в результате активного вовлечения природных богатств в хозяйственную и иную экономически значимую деятельность сделало актуальной более тесную интеграцию природоресурсных и природоохранных целей правового регулирования как в рамках права отдельных государств, так и международного сообщества в целом. Осознав этот факт к 1960-м гг., человечество приступило к разработке и введению мер, направленных на сохранение окружающей среды, вследствие чего в международном и национальном праве появились и получили развитие отрасли, в названии которых

отражен их предмет – взаимодействие общества с окружающей средой: международное право окружающей среды и экологическое право. Следует отметить, что правовое регулирование отношений по охране среды обитания человека на этом не остановилось: своеобразный толчок его дальнейшему развитию дали и поныне значимые процессы, связанные с созданием и функционированием межгосударственных образований, например таких, как Содружество Независимых Государств, Европейский союз, Евразийский экономический союз. Это, в свою очередь, указывает на появление единого пространства, экологическую безопасность которого нужно обеспечить. Данный феномен порождает необходимость его исследования на уровне юридической науки как явления правового порядка, обусловленного факторами природного и техногенного характера, а также политическими и связанными

с ними институциональными процессами, происходящими на всех уровнях – международном, региональном, внутригосударственном. При этом следует отметить, что некоторыми авторами затрагивались

лишь отдельные аспекты формирующейся правовой категории «эколого-безопасное пространство» в рамках такого интеграционного образования, как ЕАЭС [1; 2].

Правовая категория «эколого-безопасное пространство» и ее юридическое содержание

Представляется, что для понимания феномена пространства экологической безопасности весьма значимым является его формирование на основе политической воли и взаимного желания государств выстраивать общий базис обеспечения благоприятности окружающей среды. В качестве положительных примеров приведем процессы становления международных организаций уровня ООН по охране окружающей среды. В первую очередь сюда относится создание резолюцией XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) от 15 декабря 1972 г. № 2997/XXVII в соответствии с рекомендациями Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и трансформацию юридического статуса главного исполнительного органа – Совета управляющих ЮНЕП – в Ассамблею ООН по окружающей среде ЮНЕП с представительством всех 193 государств – членов ООН и ее наделение функциями главного управляющего и нормотворческого органа ЮНЕП в области охраны окружающей среды на высшем уровне на основании резолюции ГА ООН от 13 марта 2013 г. № 67/251. Также весьма важен опыт развития природоохранной политики СНГ на базе Соглашения о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды от 8 февраля 1992 г., определившего фундамент экологической политики, основанной на признании международных договоров, заключенных Советским Союзом. В развитие данного документа в 2013 г. принято Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников СНГ, установившее основные направления сотрудничества в рассматриваемой сфере. Опыт иного порядка демонстрирует, например, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. в редакции от 8 мая 2015 г. (далее – Договор о ЕАЭС), в котором проведение согласованной экологической политики не заявлено в качестве самостоятельной цели союза, хотя очевидно, что избежать воздействия на окружающую среду в процессе формирования единого экономического пространства ЕАЭС, в том числе в сфере использования природных ресурсов, объективно невозможно [3]. Относительная самостоятельность правового регулирования использования природных ресурсов в первую очередь как объектов экономической и иной деятельности, удовлетворяющих в широком смысле материальные

потребности природопользователей и общества, в целом не противоречит, а только подтверждает высказанную выше мысль [4]. Природные ресурсы остаются важной составной частью окружающей среды и имеют экологические характеристики, сохранение и улучшение которых определяет состояние эколого-безопасного пространства, необходимого для проведения согласованных мер экономической и иной политики в рамках сотрудничества различных государств.

Следует также указать, что на уровне межгосударственных объединений (например, СНГ, ЕАЭС) образование пространства экологической безопасности происходит под влиянием ряда *геополитических факторов*. Так, например, государства – члены ЕАЭС территориально принадлежат к различным в географическом отношении частям Евразии (Армения и Беларусь – европейской, Казахстан и Кыргызстан – азиатской, Россия – евроазиатской), а также одновременно являются членами иных межгосударственных образований (ШОС, БРИКС), что формирует новые, как бы накладывающиеся друг на друга пространства, каждое из которых имеет свой круг общественных отношений и правосубъектность членов. Очевидно, что интересы государств – членов могут серьезно различаться. Так, для Республики Беларусь, не высказывающей политического стремления к ассоциации или членству в Европейском союзе ввиду наличия общей границы с тремя государствами этого образования (Польша, Литва и Латвия), неотъемлемой частью экологической политики становится согласование и гармонизация природоохранных подходов с ЕС. Главой Республики Казахстан поставлена цель войти в число 30 самых развитых государств мира и достигнуть фундаментальных показателей развитости государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития к 2050 г.¹ Для Российской Федерации факторами формирования эколого-безопасного пространства являются как сама территория государства, так и его федеративное устройство, обуславливающие единство и многообразие российского эколого-правового пространства [5] и различия в подходах к институционализации охраны окружающей среды [6].

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что при объективно обусловленной потребности в общем пространстве экологической безопасности на различных уровнях функциониро-

¹Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан от 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 25.01.2022).

вания систем охраны окружающей среды (международном, межгосударственном, национальном) современной доктрине экологического права, ее научно-категориальному аппарату недостает определенных параметров, которые могут быть введены с помощью понятия «эколого-безопасное пространство». И если понятие «экологическая безопасность» обозначает определенное, заданное на уровне технических нормативных правовых актов безопасное для человека состояние окружающей среды, то термин «охрана окружающей среды» подразумевает процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов и инструментов, обеспечивающих и поддерживающих эту экологическую безопасность, т. е. речь идет о *процессах, поддерживающих определенное экологическое состояние*. При этом отсутствует *территориально-пространственный признак*, указывающий на то, в границах какой территории осуществляются такого рода процессы с соответствующим результатом (обеспечение экологической безопасности).

Полагаем, что введение пространственного критерия позволяет формировать институциональные границы применения экологических требований и основанных на них мер охраны окружающей среды в соответствии с международными (межгосударственными) договорами, национальным законодательством, что направлено на конкретизацию территории, в отношении которой требования экологической безопасности установлены. Территориальный признак, кроме прочего, указывает на условия объективного порядка (уровень экономики, социальная сфера, установленные правом природоохранные средства), применение которых возможно *на определенной территории*. Все это позволяет определять эколого-безопасное пространство как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды, а также применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

В основу выделения правовой категории «эколого-безопасное пространство» следует положить принципы экологического права, разработка которых представляет собой отдельное направление развития этой отрасли юридической науки. Для определения принципов построения единого эколого-безопасного пространства государств – членов ЕАЭС необходимо понимать, что речь идет о надгосударственном образовании, которое в соот-

ветствии со ст. 2 Договора о ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. При этом каждое государство – член ЕАЭС имеет свою систему правовой охраны окружающей среды, базирующуюся на собственных основных началах. И хотя в целом экологически значимые цели государств имеют единую направленность, конкретные задачи в этой области могут существенно различаться. Общие принципы взаимоотношений государств в данной сфере установлены в Уставе ООН 1945 г. и Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. Специальные принципы международного экологического права – это основные идеи, имеющие самостоятельное значение для сохранения окружающей среды, сформулированные с учетом потребностей международного природоохранительного сотрудничества в международных документах рекомендательного характера, таких, например, как Декларация Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде 1972 г., Всемирная хартия природы 1982 г., Рио-де-Жанейрская декларация Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. В новейшем понимании эти принципы сопряжены с достижением целей устойчивого развития, что получило отражение в резолюции ГА ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – резолюция ГА ООН № 70/1). Цели, на которые указывает данный международный документ, определены широко, что позволяет рассматривать их в качестве своеобразных основных начал формирования пространства экологической безопасности. К ним отнесены такие, как «обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех» (цель 6); «обеспечение экологической устойчивости городов и населенных пунктов» (цель 11); «принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» (цель 13); «защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия» (цель 15); «партнерство в интересах устойчивого развития» (цель 17)².

Правовые механизмы охраны окружающей среды как гарантия обеспечения экологической безопасности в едином пространстве ЕАЭС

На достижение общих целей устойчивого развития направлено закрепление в национальных

законодательствах государств – членов ЕАЭС отдельных механизмов, посредством которых реали-

²Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

зуется экологический императив и обеспечивается экологическая безопасность. Однако формирование единого (устойчивого, сбалансированного) эколого-безопасного пространства данного интеграционного образования требует сближения правовых подходов в рассматриваемой сфере. Этому процессу способствует обязанность государств – членов ЕАЭС, являющихся сторонами того или иного международного соглашения, следовать общим для них требованиям при учете национальных особенностей.

Правовые инструменты учета экологического фактора на этапе планирования экологически значимой деятельности. Оценка воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) и стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО) могут иметь в том числе трансграничный характер. Эти показатели непосредственно касаются планируемой хозяйственной деятельности, осуществление которой возможно на территории других государств, в силу чего возникает потребность в гармонизации их правового регулирования в государствах – членах ЕАЭС. Основными международными документами в сфере ОВОС и СЭО являются Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. (далее – Конвенция Эспо) и протокол по стратегической экологической оценке к указанной конвенции 2003 г. (далее – Протокол по СЭО). Соглашения имеют определенную взаимосвязь с Конвенцией о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 г. в сфере участия общественности в данных процедурах. Все государства – члены ЕАЭС, за исключением Российской Федерации, являются сторонами Конвенции Эспо, однако только Республика Беларусь приняла первую поправку к данному международному соглашению, а Республика Армения единственная ратифицировала Протокол по СЭО. Учитывая важность международных соглашений как фактора гармонизации законодательств, представляется актуальным присоединение к ним в перспективе тех государств – членов ЕАЭС, которые еще не являются их сторонами. Кроме того, следует принимать во внимание определенный опыт имплементации норм Конвенции Эспо и Протокола по СЭО в национальные законодательства. Республика Беларусь начала формировать организационно-правовой механизм СЭО, что заслуживает поддержки, так как будет способствовать реализации норм Протокола по СЭО в случае присоединения к нему.

Кроме того, в Конвенции Эспо заложена основа для межгосударственного сотрудничества: заинтересованные стороны могут вступать в новые двусторонние (многосторонние) соглашения или другие договоренности для соблюдения своих обязательств. Перспективность данного направления по совершенствованию законодательства обуслов-

лена необходимостью совмещения процедур проведения ОВОС в Республике Беларусь и в затрагиваемых странах, а также наличием проектов, при реализации которых может быть оказано негативное трансграничное воздействие на окружающую среду. Полагаем, что такие вопросы, как определение объектов, подлежащих ОВОС, согласованность процедур, надлежащее участие общественности заинтересованных сторон при проведении ОВОС, наличие природоохранных мероприятий, позволяющих в полной мере реализовать положения Конвенции Эспо, требуют особого внимания при разработке соглашений.

Эффективные правовые модели в природоохранных сферах одних государств могут быть примером для других, а также служить основой для сближения правового регулирования соответствующих отношений. В частности, организационно-правовой механизм непрерывного учета экологического фактора на стадии принятия экологически значимых решений в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, также включает в себя СЭО и разнообразные правовые формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды. Тем не менее по определенным аспектам более эффективными представляются природоохранные меры в Российской Федерации (например, по вопросу юридической силы заключения общественной экологической экспертизы, которое носит обязательный характер).

В Республике Беларусь совершенствование законодательства направлено на дальнейшую систематизацию норм, регулирующих государственную экологическую экспертизу (далее – ГЭЭ), СЭО и ОВОС. Это подтверждается принятием Закона Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду». Единство их правового регулирования во многом обусловлено тем, что СЭО, ОВОС и ГЭЭ представляют собой единый процесс учета экологического фактора на стадии разработки и согласования проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности. Дальнейшую систематизацию правового регулирования следует осуществлять на основе выявления общих аспектов данных природоохранных мер. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию обособленного правового обеспечения природоохранных мер, объединенных таким понятием, как экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности. В Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, сохраняется единство правового регулирования для двух видов экспертиз в рамках Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». В соответствии с Экологическим кодексом Республики Казахстан в государстве поддерживается единство правового

регулирования ОВОС и СЭО как видов экологической оценки и видов экологической экспертизы.

Анализ законодательства государств – членов ЕАЭС, закрепляющего инструменты учета экологического фактора на этапе планирования экологически значимой деятельности, дает понимание того, в каком направлении возможно формирование в праве ЕАЭС сходных механизмов, создающих основы единого эколого-безопасного пространства этих государств.

Мониторинг окружающей среды. Одним из признанных эколого-правовых механизмов выступает мониторинг окружающей среды [7, с. 45]. Это отражено в национальном экологическом законодательстве государств – членов ЕАЭС, которые имеют общие обязательства в рассматриваемой сфере, как участники Соглашения о сотрудничестве в области экологического мониторинга 1999 г. (в редакции протоколов 2005 г. и 2015 г.), заключенного в рамках СНГ. В названном международном документе закрепляется дефиниция термина «экологический мониторинг», определяются направления сотрудничества государств в данной области. На национальном уровне понятие «экологический мониторинг» раскрывается в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Федеральный закон «Об охране окружающей среды»). В названном документе содержится важная характеристика рассматриваемого понятия – определение «государственный». В Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2002 г. (далее – Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды») и Законе Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 «Об охране окружающей среды» содержатся дефиниции термина «мониторинг окружающей среды». В Экологическом кодексе Республики Казахстан называются несколько видов мониторинга (экологический, специальный, метеорологический и гидрологический, мониторинг состояния окружающей среды, мониторинг природных ресурсов). При этом понятия «экологический мониторинг» и «мониторинг окружающей среды» не являются равнозначными, как, например, в законодательстве Российской Федерации.

В целях обеспечения взаимодействия систем наблюдения за состоянием окружающей среды, оценки и прогноза изменений ее состояния под воздействием природных и антропогенных факторов, получения и предоставления экологической информации в государствах – членах ЕАЭС созданы специальные системы: Национальная система мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь, Единая система государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) в Российской Федерации, Единая государственная система мониторинга окружающей среды и природных ресурсов в Республике Казахстан, Си-

стема государственного мониторинга окружающей среды в Кыргызской Республике.

Единообразный подход в законодательствах государств – членов ЕАЭС прослеживается при определении целей мониторинга. Однако объекты экологического мониторинга на уровне головного акта определены только в экологическом законодательстве Республики Казахстан, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» закреплены лишь виды мониторинга, в Республике Беларусь данные нормы установлены на уровне постановления правительства.

Таким образом, при определенных отличиях в правовом регулировании данных общественных отношений в национальном праве государств – членов ЕАЭС прослеживается единообразная позиция при определении задач и основных направлений мониторинга окружающей среды, что обусловлено взятыми на себя обязательствами в рамках СНГ и позволяет унифицировать подходы для обмена экологической информацией в рамках союза.

Экологический контроль. Еще одним значимым правовым механизмом охраны окружающей среды выступает экологический контроль, который проводится на стадии осуществления хозяйственной деятельности, выступает средством обеспечения экологической безопасности и имеет целью сохранение благоприятной окружающей среды. Интересна точка зрения С. А. Боголюбова, который относил государственный и муниципальный экологический контроль (ранее закрепленные в российском законодательстве в качестве самостоятельных видов) к основным (общепризнанным) публично-правовым средствам охраны окружающей среды, а осуществление производственного, внутриведомственного и общественного экологического контроля рассматривал «скорее как частноправовые средства обеспечения экологических прав граждан» [8, с. 24]. На наш взгляд, вне зависимости от вида, экологический контроль, как отмечалось выше, является не только природоохранной мерой, но и средством обеспечения экологической безопасности.

Анализ законодательства Республики Беларусь показывает определенную непоследовательность в правовом регулировании рассматриваемых отношений, на что обращалось внимание в юридической литературе [7; 9]. Соглашаясь с позицией авторов о существующих пробелах и противоречиях, хотелось бы обратить внимание на содержание термина «экологический контроль» (был исключен из Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в 2019 г., что нельзя признать логичным). Согласно указанному нормативному правовому акту данный механизм включает не только контроль в области охраны окружающей среды, но и контроль за рациональным использованием природных ресурсов. Представляется, что нормы об экологическом контроле применимы при

осуществлении контроля в области охраны и рационального использования земель, недр, вод, лесов и других природных ресурсов, что отражает интегрированный подход к правовому регулированию экологических отношений, обусловленный единым объектом – окружающей средой. Интересен факт, что Национальная система мониторинга окружающей среды, о которой говорилось выше (термин «экологический» в данном случае также в названии не употребляется), включает и виды наблюдений за отдельными природными ресурсами (например, мониторинг земель, лесов и др.). В Кыргызской Республике контроль в области охраны окружающей среды включает проверку выполнения мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов. В отличие от белорусского и кыргызского подхода, в Республике Казахстан, несмотря на установленную в Экологическом кодексе Республики Казахстан дефиницию («экологический контроль») такое его направление, как использование природных ресурсов, не закрепляется.

Особенности контроля в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов проявляются в выделении его видов. С момента принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в 1992 г. в данной сфере мог производиться государственный, ведомственный, производственный, общественный контроль. Кроме этого, частью каждого из них в связи с особенностью объектов являлся аналитический (лабораторный) контроль, включающий в себя отбор проб и проведение измерений, оценку соблюдения нормативов и др. Однако впоследствии деление на виды в структуре экологического контроля упразднилось, что, на наш взгляд, связано с общими процессами в системе управления. В силу комплексного характера эколого-правового регулирования изменения, вносимые в нормативные акты иных отраслей права, смежных с экологическим правом, безусловно, отражаются на содержании законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов.

Аналогичные проблемы существуют и в законодательстве Российской Федерации. В 2004 г. государственный экологический контроль был фактически заменен муниципальным путем возложения соответствующих обязанностей на органы местного самоуправления, что справедливо подвергалось критике в научной литературе [10, с. 111–112]. В настоящее время и муниципальный экологический контроль практически ликвидирован, а гл. XI Федерального закона «Об охране окружающей среды» называется «Государственный экологический надзор. Производственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», что также вызывает сомнения у российских ученых [11]. Система контроля за охраной окружающей среды в соответствии с законодательством Кыргызской

Республики включает государственный, ведомственный и общественный контроль, а в Экологическом кодексе Республики Казахстан закреплены такие его виды, как государственный, производственный, общественный, экологический, что следует признать обоснованным.

Полагаем, что в силу различий в подходах к закреплению экологического контроля как правового механизма охраны окружающей среды в национальных законодательствах государств – членов ЕАЭС важно установить в наднациональном праве требование об универсальности приемов и методов, применяемых для обеспечения соблюдения субъектами хозяйствования норм экологического законодательства.

Партнерство в области охраны окружающей среды. Анализ международных документов по охране окружающей среды, устанавливающих принципы устойчивого развития, а также необходимость взаимодействия государств для его достижения, показывает, что для повышения эффективности в сфере экологических отношений требуется участие частного партнера. Так, резолюция ГА ООН № 70/1 впервые содержала призыв к действию, адресованный частному сектору, в формулировке цели 17, которая предполагает «...укрепление средств осуществления и активизацию работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития». Обзор задач, содействующих реализации указанной цели, показывает приоритет глобального партнерства правительств для совместного достижения устойчивого развития. Так, в них обозначена необходимость осуществлять «партнерство с участием многих заинтересованных сторон... стимулировать и поощрять эффективное партнерство между государственными организациями, между государственным и частным секторами и между организациями гражданского общества, опираясь на опыт и стратегии использования ресурсов партнеров» (задача 17.17). В связи с этим справедливо утверждать, что взаимодействие в экологической сфере государства субъектов экономической деятельности и заинтересованной общественности есть не что иное, как эффективный механизм достижения целей устойчивого развития.

Во всех странах – членах ЕАЭС приняты и действуют законы о государственно-частном партнерстве. При этом охрана окружающей среды прямо не закреплена в качестве сферы либо направления приложения возможностей партнерства, что, на наш взгляд, в силу открытости перечней деятельности, установленных в соответствующих законодательных актах, не препятствует его осуществлению на основе, например, концессионного или инвестиционного договора. В ряде государств – членов ЕАЭС, являющихся одновременно сторонами Орхусской конвенции (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан), прошло становление привлечения к сотрудничеству так называемой заинтересованной

общественности, в том числе общественных объединений. Нельзя не отметить, что главное отличие закрепления партнерства в законодательстве Российской Федерации состоит в том, что здесь реализовывать подобное взаимодействие возможно на федеральном уровне, уровне субъектов Федерации, а также уровне муниципальных образований. В Республике Казахстан полномочия местных исполнительных органов были расширены Законом Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 379-V «О государственно-частном партнерстве», согласно которому в компетенцию названных органов входят в том числе подготовка и экспертиза местных проектов партнерства, утверждение маслихатами областей перечня местных проектов государственно-частного партнерства, организация данными органами конкурса (аукциона) либо прямых переговоров в отношении местных проектов государственно-частного партнерства, заключение договоров по ним (ст. 25). В Республике Беларусь в настоящее время такая совместная деятельность может осуществляться лишь на уровне *государство – бизнес*. В связи с этим обоснованным видится выведение партнерства в Республике Беларусь на местный уровень, наделение местных исполнительных и распорядительных органов полномочием выступать в качестве государственного партнера. Так, Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» такому развитию событий не противоречит, местные исполкомы, например, принимают участие в разработке инвестиционных проектов (ст. 41). Однако надо отметить, что достаточно сложно определить границы возможностей партнерства в силу нечеткости правового регулирования исследуемого механизма [7].

Несмотря на то что в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» предпосылки для осуществления партнерства в экологической сфере сходны с аналогичными, установленными Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», т. е. охрана окружающей среды отражена только среди принципов партнерства, различия между ними куда более существенны. Так, ст. 2 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государ-

ственно-частном партнерстве» к законодательству о партнерстве относит Земельный кодекс Российской Федерации, Лесной кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации, Водный кодекс Российской Федерации. Кроме того, в нормах вышеназванных правовых актов также содержится отсылка к соглашениям о партнерстве государства и бизнеса. Таким образом, возможность их сотрудничества внедрена в само природоресурсное законодательство [12, с. 335]. В белорусском законодательстве такой особенности нет. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» главной целью ставит развитие инфраструктуры, экологические отношения в задачах партнерства не фигурируют, за исключением повышения эффективности использования имущества, в том числе земельных участков, находящихся в государственной собственности (ст. 2).

Среди базовых признаков партнерства государства и субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность, независимо от сферы деятельности, а также страны реализации, обеспечивающих безопасность сотрудничества, можно назвать следующие:

- сторонами партнерства являются государство и частный бизнес (в сфере экологических отношений также заинтересованная общественность);
- взаимодействие сторон закрепляется на официальной юридической основе (соглашения, договоры, контракты и т. п.);
- сотрудничество указанных сторон имеет реальный партнерский характер, четко выраженную публичную, общественную направленность (главной целью является удовлетворение государственного интереса при учете мнения заинтересованной общест-венности);
- активы (ресурсы и вклады) сторон консолидируются в процессе реализации проектов на основе государственно-частного партнерства;
- финансовые риски и затраты, а также достигнутые в партнерстве результаты распределяются между сторонами в пропорциях согласно договоренностям, зафиксированным в соответствующих соглашениях, договорах, контрактах и т. п.³

Правовое обеспечение устойчивого природопользования как направление формирования евразийского эколого-безопасного пространства

Экономическая интеграция государств – членов ЕАЭС, имеющая целью проведение скоординированной, согласованной или единой политики в различных отраслях экономики и создание единой инфраструктуры на пространстве общего рынка этих стран, требует в том числе природоресурсного обес-

печения этого сотрудничества, тем более что ряд областей экономической деятельности непосредственно связаны с природопользованием (например, формирование единого рынка энергетических ресурсов или единого аграрного рынка). Следует признать, что развитие сотрудничества государств

³Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства. Нью-Йорк : ООН, 2008. 114 с.

евразийского региона как при осуществлении общих задач, стоящих перед ЕАЭС, так и при реализации двусторонних проектов по использованию природных ресурсов на территории различных государств ЕАЭС опережает выработку единых правовых подходов к устойчивому природопользованию. Это связано с тем, что в геополитическом плане природоресурсный потенциал отдельных стран используется преимущественно в пределах их государственной территории, что определяется особенностями природных ресурсов как объекта правового регулирования [13, с. 8–9]. Из-за высокого уровня суверенных прав государств на находящиеся на их территории природные ресурсы унификация правовых норм, касающихся их устойчивого использования, не представляется возможной. Согласование позиций государств – членов ЕАЭС основано на том, что природоресурсное законодательство этих стран развивалось на единой правовой основе с учетом особенностей, обусловленных национальными, историческими, экономическими обстоятельствами, перспективами дальнейшей экономической интеграции в рамках ЕАЭС.

Понимание эколого-безопасного пространства как универсальной правовой категории в экологических отношениях предполагает существование эффективных правовых инструментов по обеспечению баланса между экономической (природоресурсной) и экологической (природоохранной) составляющей этих отношений, в том числе складывающихся в сфере природопользования [7, с. 3]. В основе правового регулирования устойчивого природопользования должны лежать общие и специальные принципы правового регулирования экологических отношений, предусмотренные как в международных документах, так и в национальном законодательстве Республики Беларусь и других государств – членов ЕАЭС, на основании которых возможна выработка общих для всех отношений в сфере природных ресурсов признаков устойчивости и рациональности их использования.

Данный аспект формирования эколого-безопасного пространства во всех государствах – участниках ЕАЭС определяется единой концептуальной основой правового регулирования этих отношений. Такой основой является доктрина устойчивого развития, охватывающая в равной степени все

правовые формы взаимодействия общества и природы [14, с. 10]. Этот подход позволяет сочетать решение экологических задач (для природоресурсной сферы они заключаются в достижении параметров рационального (устойчивого) природопользования, определенных в нормах природоресурсного права) в совокупности с экономическими и социальными задачами. Одной из них, как указано в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года⁴, является повышение эффективности использования природоресурсного потенциала при обеспечении целостности природных комплексов и удовлетворении настоящих и будущих потребностей общества в получении достаточных и качественных ресурсов. Таким образом, с точки зрения достижения целей по формированию эколого-безопасного пространства устойчивое использование природных ресурсов можно считать системообразующим показателем и стратегическим направлением правового обеспечения этой сферы.

Исходной нормой с точки зрения признания экологической значимости рационального природопользования в правовом регулировании экологических отношений можно считать принцип охраны, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и их воспроизводства как необходимых условий обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности. В природоресурсном законодательстве Республики Беларусь указанный принцип, установленный в ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», не нашел широкого отражения в силу содержательных особенностей отдельных видов природоресурсных правоотношений. В природоресурсных актах других государств – членов ЕАЭС закреплён определенный механизм правового регулирования этих отношений, непосредственно или в опосредованном виде, включающий требования по устойчивому природопользованию отдельными природными ресурсами. При этом не всегда содержание требований по устойчивому природопользованию закрепляется в виде специальной нормы, нормы-принципа или специального положения, что следует рассматривать как особенность технико-юридического выражения данных требований, а не прямой недостаток законодательства.

Заключение

Разработка концепции формирования единого эколого-безопасного пространства государств, являющихся членами ЕАЭС, базируется на восприятии данного союза как международной организации ре-

гиональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Понимание объективной потребности в общем пространстве экологической безопасности на раз-

⁴Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. 2015. № 4. С. 2–99.

личных уровнях функционирования систем охраны окружающей среды (международный, межгосударственный, национальный) выявило необходимость обоснования в современной доктрине экологического права новой научной категории «эколого-безопасное пространство», которая может стать основой концепции современного экологического правопорядка. Введение данной категории позволяет усилить понятийный аппарат науки экологического права указанием не только на определенное, заданное на уровне технических нормативных правовых актов, безопасное для человека состояние окружающей среды (экологическая безопасность) или процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов, обеспечивающих и поддерживающих эту экологическую безопасность (охрана окружающей среды), но и на территориально-пространственный признак, определяющий границы территории, где осуществляются такого рода процессы с соответствующим результатом (обеспечение экологической безопасности).

Введение пространственного критерия как возможности очертить для некоторой территории институциональные рамки, устанавливаемые международным договором, межгосударственным соглашением, законом, позволяет конкретизировать территорию (как объект), в отношении которой применимы те или иные эколого-правовые меры. Территориальный признак, кроме прочего, указывает на условия объективного порядка: уровень экономики, социальную сферу, установленные правом природоохранные средства, применение которых возможно на определенной территории. Все это позволяет определять эколого-безопасное пространство как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды и применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

В основу построения эколого-безопасного пространства государств – членов ЕАЭС следует положить единые экологически значимые цели и вытекающие из них природоохранные принципы с учетом того обстоятельства, что концептуальной основой правового регулирования экологических отношений во всех государствах – членах ЕАЭС является доктрина устойчивого развития, охватывающая в равной степени все правовые формы взаимодействия общества и природы. Полагаем, что на данном этапе формирования пространства экологической безопасности в качестве основных начал следует рассматривать принципы, на которых базируются цели

устойчивого развития, закрепленные в резолюции ГА ООН № 70/1.

Последующее надгосударственное регулирование на уровне договоренностей государств, входящих в ЕАЭС, по повестке формирования эколого-безопасного пространства возможно на основе аспекта гармонизации национального экологического законодательства и с его учетом.

Воздействие на окружающую среду в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности происходит в постоянно изменяющихся экономических, технических и технологических условиях. Гарантией обеспечения экологической безопасности в едином пространстве ЕАЭС выступают различные правовые механизмы охраны окружающей среды (оценка воздействия на окружающую среду планируемой деятельности, стратегическая экологическая оценка, экологическая экспертиза, мониторинг, контроль). Формирование единого евразийского эколого-безопасного пространства требует сближения правовых подходов государств – членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере на основе общих международных обязательств.

Сравнительно-правовой анализ законодательств рассматриваемых государств позволяет сделать вывод о перспективности развития государственно-частного партнерства в сфере экологических отношений, а также о поступательном развитии законодательства об охране окружающей среды в соответствии с общемировыми тенденциями. Предлагается рассматривать всю экологическую сферу – охрану окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, рациональное использование природных ресурсов, восстановление природных ресурсов – в качестве самостоятельного направления приложения возможностей партнерства.

Для реализации общих согласованных подходов государств – членов ЕАЭС по обеспечению устойчивого природопользования предлагаются следующие формы взаимодействия:

- сотрудничество при выполнении международных требований, вытекающих из ряда соглашений, регулирующих использование природных ресурсов, к которым присоединены все государства ЕАЭС;
- выработка единых правовых рекомендаций по гармонизации законодательного обеспечения устойчивого природопользования (выполняет модельное законодательство в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, которое служит образцом для правотворческой деятельности национальных законодательных органов);
- двустороннее сотрудничество.

Библиографические ссылки

1. Макарова ТИ. Эколого-безопасное пространство: юридическое содержание категории и место в науке о правовой охране окружающей среды. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 26–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 33–42.

2. Захарин АН, Нутрихин РВ. Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства стран – участниц ЕАЭС. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2021;1:145–151. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.19.
3. Макарова ТИ, редактор. Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права: тезисы докладов Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2018. с. 55–58.
4. Шахрай ИС, Шингель НА. Концептуальные проблемы формирования и развития природоресурсного законодательства Республики Беларусь. *Юридическая наука: история и современность*. 2017;7:88–97.
5. Боголюбов СА. Единство и многообразие российского эколого-правового пространства. *Журнал российского права*. 2017;11:73–81. DOI: 10.12737/article 59f067c3cae4a6.44715831.
6. Макарова ТИ. Институционализация охраны окружающей среды как фактор реализации экологической политики на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2020;1(20):90–95. DOI: 10.14529/law200114.
7. Макарова ТИ, Балашенко СА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. *Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*. Макарова ТИ, редактор. Минск: БГУ; 2016. 191 с.
8. Боголюбов СА. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан. *Журнал российского права*. 2005;7:24–33.
9. Шахрай ИС. Проблемы правового регулирования экологического контроля в свете обновления законодательства Республики Беларусь о контрольной (надзорной) деятельности. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. 2018;1(8):59–65.
10. Хлуденева НИ. *Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды*. Москва: ИНФРА-М; 2014. 172 с.
11. Вершило НД. К вопросу о государственном экологическом контроле и надзоре. *Законы России. Опыт. Анализ. Практика*. 2017;6:35–39.
12. Курилович МП. Организационно-правовые формы партнерства государства и бизнеса в сфере охраны окружающей среды: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. *Научные труды Академии управления*. 2020;22:330–339.
13. Шингель НА, Шахрай ИС. *Природоресурсное право*. Минск: Вышэйшая школа; 2017. 399 с.
14. Балашенко СА, Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. *Экологическое право*. Минск: Вышэйшая школа; 2021. 399 с.

References

1. Makarova TI. [Environment safe space: legal content of the category and place in the science of legal protection of the environment]. In: Mikhalyova TN, editor. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*; 26–27 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus' [State and law in the 21st century: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law of the Belarusian State University; 2020 November 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 33–42. Russian.
2. Zakharin AN, Nutrikhin RV. Legal problems of the formation of a single environmentally safe space of the EAEU member states. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2021;1:145–151. Russian. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.19.
3. Makarova TI. [Environmental law of the Eurasian Economic Union: problems of formation]. In: Makarova TI, editor. *Vliyanie mezhgosudarstvennykh integratsionnykh protsessov na razvitie agrarnogo, ekologicheskogo, prirodoresursnogo i energeticheskogo prava: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*; 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus' [The impact of interstate integration processes on the development of agricultural, environmental, natural resource and energy law: abstracts of reports of the International scientific and practical conference; 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 55–58. Russian.
4. Shakhrai IS, Shingel' NA. [Conceptual problems of formation and development of the natural resource legislation of the Republic of Belarus]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2017;7:88–97. Russian.
5. Bogolyubov SA. Unity and diversity of the Russian ecological and legal space. *Journal of Russian Law*. 2017;11:73–81. Russian. DOI: 10.12737/article 59f067c3cae4a6.44715831.
6. Makarova TI. Institutionalisation of environmental protection as a factor of implementation of ecological policy at the level of legislation of subjects of the Russian Federation. *Bulletin of the South Ural State University. Series Law*. 2020;1(20):90–95. Russian. DOI: 10.14529/law200114.
7. Makarova TI, Balashenko SA, Lizgaro VE, Moroz OV. *Pravovye mekhanizmy okhrany okruzhayushchei sredy i obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti* [Legal mechanisms for environmental protection and environmental safety]. Makarova TI, editor. Minsk: Belarusian State University; 2016. 191 p. Russian.
8. Bogolyubov SA. [The ratio of public law and private law means in ensuring the environmental rights of citizens]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2005;7:24–33. Russian.
9. Shakhrai IS. [Problems of legal regulation of environmental control in the light of updating the legislation of the Republic of Belarus on control (supervisory) activities]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja Janki Kupaly. Seriya 4. Pravaznavstva*. 2018;1(8):59–65. Russian.
10. Khludeneva NI. *Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchei sredy* [Defects in legal regulation of environmental protection]. Moscow: INFRA-M; 2014. 172 p. Russian.
11. Vershilo ND. [On the issue of state environmental control and supervision]. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika*. 2017;6:35–39. Russian.
12. Kurilovich MP. Legal forms of public-private partnership in the sphere of environmental protection: a comparative legal analysis in the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Nauchnye trudy Akademii upravleniya*. 2020;22:330–339. Russian.

13. Shingel' NA, Shakhrai IS. *Prirodouresursnoe pravo* [Nature resource law]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 2017. 399 p. Russian.
14. Balashenko SA, Makarova TI, Lizgaro VE. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 2021. 399 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2022.
Received by editorial board 04.02.2022.

Авторы:

Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета.

Элеонора Сергеевна Навасардова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического факультета.

Виктория Евгеньевна Лизгаро – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Олег Васильевич Мороз – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Наталья Адамовна Шингель – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Мария Петровна Курилович – преподаватель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета¹, младший научный сотрудник Центра государственного строительства и права⁵.

Authors:

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

makti@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-0842-900X>

Eleonora S. Navasardova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental, land and labour law, faculty of law.

navasardova@yandex.ru

Victoria E. Lizgaro, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

lizgaro@bsu.by

Oleg V. Moroz, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

moroz_ov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8201-2600>

Natalia A. Shingel, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

singel.61@list.ru

Maria P. Kurylovich, lecturer at the department of environmental and agricultural law, faculty of law^a, and junior researcher at the Centre for State Construction and Law^c.

glushakova.maria@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1067-1310>